

М. В. Белозерова

*кандидат исторических наук, доцент Кемеровского госуниверситета
докторант Томского государственного университета*

ПРОБЛЕМА МЕЖНАЦИОНАЛЬНОЙ НАПРЯЖЕННОСТИ И ТОЛЕРАНТНОСТЬ: XX СТОЛЕТИЕ

Толерантность и межэтническая напряженность – явления взаимосвязанные. Они в достаточной степени ярко проявлялись в течение XX столетия. Рассмотрим эти два понятия и проследим их взаимосвязь на примерах автохтонных этносов, проживающих на территории Южной Сибири.

Такое явление, как «*межэтническая напряженность*» имеет несколько аспектов. Во-первых, оно является *неотъемлемой частью* межэтнических отношений в целом и, во-вторых, *нормой обыденной жизнедеятельности* любого социума, но не чем-то чрезвычайным, экстраординарным. Как правило, она носит *латентный (скрытый) характер*. Кульминацией межэтнической напряженности или межэтнических противоречий является этнический конфликт, который принимает характер открытой конфронтации [1, с. 200]. Межэтническая напряженность с возможностью перерастания в

конфликт возникает с развитием и осознанием «этнических интересов» и вследствие объективного неравенства этносов по численности, уровню социально-экономического развития и т. п. Таким образом, данные процессы носят объективный характер и присущи полиэтничному государству, каким является Россия. В большинстве своем межэтническая напряженность возникает из-за территориальных споров; в связи с массовой миграцией населения; с нерешенностью социальных проблем и проблем, связанных с землепользованием и возможностью допуска к ресурсам; с конкуренцией «этнических секторов» в сфере услуг, торговли, на рынке труда. Они могут возникать на религиозной и бытовой почве [2].

Распад Российской империи и образование СССР в первой четверти XX в., а также сопутствовавшие этим глобальным событиям Гражданская война, массовые миграции населения, обострили межэтнические антагонизмы и породили новые. Наиболее ярко это проявилось на окраинах страны (в контактных зонах расселения нескольких этносов), в том числе и на территории Южной Сибири.

В 1920-е гг. в этом регионе в среде автохтонных этносов можно отметить ряд ситуаций межэтнической напряженности, проявившиеся в усилении сепаратистских тенденций. В данном случае под «сепаратизмом» (*от фр. separatisme, от лат. separatus – отдельный*) мы понимаем «стремление к обособлению; движение за предоставление части страны автономии». На территории Южной Сибири данные тенденции выразились в стремлении национальных меньшинств к автономизации. С одной стороны, это не противоречило курсу национальной политики и административно-территориального устройства, проводимому советским государством. Как известно, районирование в этот период проводилось не только на основе территориальных и экономических условий, но и с учетом национальной составляющей. С другой стороны, образование автономных административно-территориальных единиц, например, Ойротской автономной области, Хакасского инородческого уезда, стало реализацией устремлений национальной интеллигенции и части населения, основанных на идеях сибирских областников о возможности автономии Сибири и, в частности, самоопределения коренных народов. После Октябрьской революции эти идеи были поддержаны большевиками. Кроме отмеченных выше факторов, следует учитывать и активные миграционные процессы вследствие голода в европейской части страны и Гражданской войны, которые вплоть до середины 1920-х гг. носили стихийный характер. Переселенцы селились сопредельно с алтайцами, хакасами, шорцами. В результате складывалась ситуация, при которой происходило столкновение интересов коренного и пришлого населения, носивших прежде всего территориальный и экономический характер. Последний фактор стал одним из решающих в требовании автономии шорцами. Результатом стало образование Горно-Шорского национального района [3, с. 60–65].

Решение национального вопроса в условиях строящегося социалистического общества осуществлялось во многом жесткими карательными методами и реализацией идеи слияния или интеграции наций и народностей в единую нацию «советский народ». Они затушевывали и нивелировали противоречия между народами. В конечном счете, оказалось возможным избавиться от открытых этнических конфликтов, которые могли быть уголовно наказуемы, но напряженность в межэтнических отношениях сохранялась и стала принимать латентную (скрытую) форму. По мнению петербургского исследователя А. А. Бурькина, межэтническая напряженность в СССР «...десятилетиями не замечалась никем и в силу этого не находила разрешения...» [4, с. 201]. Данную точку зрения подтверждают и факты, свидетельствовавшие о ее сохранении на бытовом уровне. Например, эпизоды, связанные с националистическими высказываниями шорской интеллигенции уже в 1960–1970-е гг., зафиксированные в аналитических справках начальника Таштагольского городского управления КГБ. Они имели антирусскую направленность, носили угрозу расправы над русскими, изгнания их из Горной Шории. Связано это было, по мнению силовых структур, с воздействием китайской пропаганды [5, с. 234].

С середины 1980-х гг., в период перестройки, в результате снижения идеологического и политического диктата, ослабления «пресса» карательных органов, нерешенности многих социальных проблем межэтнические антагонизмы активизировались [1, с. 258]. Именно тогда открыто проявилось сформированное в советский период национальное самосознание. Результат известен – распад СССР.

Но межэтническая напряженность проявилась и в относительно «спокойных» регионах, в том числе и на территории Южной Сибири. При этом она в ряде случаев могла превратиться в открытый конфликт. Данные процессы в достаточной степени хорошо можно проследить на примере коренных малочисленных народов, проживающих в Кемеровской области, шорцев и телеутов, и на примере хакасов (Республика Хакасия). Национальное самосознание прежде всего проявилось в среде национальной интеллигенции, которая стала организовывать национально-общественные организации – ассоциации. Последние во второй половине 1980-х – начале 1990 гг. стали в открытой форме представлять интересы коренных народов и явились своеобразным посредником между региональными органами власти и этносами [6, с. 265]. У шорцев и телеутов межэтническая напряженность вылилась в требование решения политических и социально-экономических проблем. К примеру, таких, как решение правовых вопросов (предоставление особого статуса «народов Севера»), создание местного национального самоуправления, восстановление автономии и др.

В Хакасии же в этот период межэтническая напряженность могла перерасти в открытый конфликт, так как помимо аналогичных требований, усилилось противостояние между Ассоциацией хакасского народа «Тун» и русскоязычным населением, между Ассоциацией и органами власти. Со стороны «Тун» оказывалось прямое давление на органы власти на выборах Председателя Верховного Совета Республики Хакасия в 1992 г.; ее руководство высказывалось против избрания на этот пост русского по национальности, а не хакаса, заявляя о том, что «...произошел новый акт глумления над хакасским народом...» [7, с. 182]. С этой целью в среде хакасского населения организовывались демонстрации и пикеты, в г. Абакан подвозили хакасов из районов республики. Эти методы напоминают события, произошедшие значительно позже, уже в начале XXI в., на Украине и в Грузии. В результате избранный на пост Председателя ВС В. В. Шавыркин отказался от должности в пользу хакаса В. Н. Штыгашева. Руководством Ассоциации «Тун» были обострены отношения с русскоязычным населением Хакасии, и особенно с казачеством. «Тун» призывало к созданию вооруженных формирований из хакасского населения [8, л. 30]. В СМИ участились выступления против русских. В частности в отношении русских употреблялись такие эпитеты, как «оккупанты», печатались материалы, искажающие факты, а порою и прямая дезинформация, направленная против них [8, л. 51]. Ситуацию с трудом удалось стабилизировать при значительных усилиях как органов власти, так и принципиальной позиции Славяно-казачьего союза Хакасии, которые не поддавались на провокации.

В условиях существования межэтнической напряженности, как латентных, так и открытых форм ее проявления особую актуальность приобретает *толерантность*. Понятие «толерантность в межэтнических отношениях», и сам термин «толерантность», по мнению ряда исследователей, появилось в литературе и приобрело актуальность в достаточной степени поздно, в 1980-е гг., то есть в период перестройки [4, с. 199]. Под толерантностью (*от лат. tolerantia – терпение*), как правило, понимают «*терпимость к чужим мнениям, верованиям, поведению*». В постсоветское время понятия «толерантность», «терпимость» стали одними из ключевых в межэтнических отношениях.

Однако при воспитании толерантности не следует забывать и о ее оборотной стороне. А именно: по мнению ряда исследователей, *подчеркнутое внимание* к проблеме межэтнических отношений в целом и *толерантности* в частности не только не создает предпосылок к преодолению «*межэтнических граней*», но, наоборот, «*порождает*» условия для их обострения [4, с. 203]. С этим суждением трудно не согласиться, так как

обращение к идее толерантности подчеркивает неоднородность этносов, во многом способствует их обособленности наконец, может принять односторонний характер и превратиться в средство агрессии одних этносов по отношению к другим в требованиях предоставления особых прав и привилегий этническим меньшинствам, что нарушало бы права большинства граждан государства, хотя может и соответствовать международным представлениям о правах национальных меньшинств. Как пример можно привести требования статуса коренных малочисленных народов малочисленными этносами, в частности шорцами, телеутами, теленгитами, кумандинцами и другими; предоставление возможности льготного поступления в вузы молодежи из среды коренных малочисленных народов (например, в Кемеровской области) [9, с. 308]; налоговых льгот для развития предпринимательства или гарантированной доли от прибыли горнодобывающих предприятий, находящихся на «этнической территории».

И в заключение следует отметить, что открытое проявление этнических интересов стало объективной реальностью. Тем более в условиях, когда они подтверждены нормативно-правовыми документами. И в это же время декларируемые государством права для малочисленных этнических групп на федеральном уровне не всегда могут быть реализованы на региональном. Отчасти это связано с тем, что право называть себя коренными на территории Южной Сибири имеют и алтайцы, и хакасы, и татары и русские, то есть этносы, проживающие на этой территории не одно столетие, но не отнесенные к категории «народов Севера» или коренных малочисленных народов. Все это способствует сохранению на местах межэтнической напряженности, перешедшей в очередной раз в латентное состояние. Одним из шагов к ее нейтрализации может стать линия на воспитание толерантности подрастающего поколения, вне зависимости от этнической принадлежности. И этот процесс возможен только в рамках создания и реализации на региональном уровне концепции национальной политики, в рамках которой будет введена практика решения наиболее острых этнических проблем не только на политическом уровне, но и на основе их глубокой проработки.

Литература

1. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия / отв. ред. В. В. Трепавлов. – М.: Наука, 2003.
2. Смит Дж. Национальное строительство и национальный конфликт в СССР в 1920-е годы // Россия в XX веке. Реформы и революции. – М.: Наука, 2002.
3. Белозерова М. В. Шорцы: жизнь и реформы (20–60-е гг. XX в.). Опыт интеграции в социалистическое общество. – Кемерово: ИУУ СО РАН, 2004.
4. Бурькин А. А. «Односторонняя толерантность» как проблема взаимоотношений с меньшинственными этносами в гражданском обществе в целом и в образовательном пространстве в частности // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005.
5. Коновалов А. Б. История Кемеровской области в биографиях партийных руководителей (1944–1991 гг.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
6. Белозерова М. В. Опыт взаимодействия органов региональной власти и национальных ассоциаций в 90-е гг. XX в. // Сибирское общество в период социальных трансформаций XX в. – Томск: Изд-во ТГУ, 2007.
7. Постсоветская Хакасия: трансформационные процессы и этнорегиональные модели адаптации / отв. редакторы М. Н. Глубого, Л. В. Остапенко. – М., 2005.
8. Центральный Государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. Р–782. – Оп. 1. – Д. 75.
9. Садовой А. Н., Белозерова М. В., Кузнецова Е. С., Поддубиков В. В. Национальное образование в стратегии устойчивого развития: региональный аспект (на примере Кемеровской области) // Образование и устойчивое развитие коренных народов Сибири. – Новосибирск, 2005.